

Глаголев С. С. Об отношеніи философіи и естественныхъ наукъ къ науке Введенія в Богословіе: [Пробная лекція] // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 12. С. 370–390 (2-я пагин.).

Объ отношеніи философіи и естественныхъ наукъ къ наукѣ Введенія въ Богословіе ¹⁾.

Никакая наука не можетъ существовать изолированно отъ другихъ наукъ. Имѣя свой методъ и свои источники, каждая наука при своихъ изслѣдованіяхъ нуждается въ помощи и услугахъ другихъ наукъ: астрономія пользуется услугами математики и механики, химія—помощію физики, исторія—данными географіи и т. д. Въ интересахъ успѣшнаго развитія науки важно опредѣлить, содержаніе какихъ наукъ можетъ быть полезно для данной науки. Опредѣлить это не всегда легко и неумѣнье опредѣлить это иногда надолго задерживало развитіе науки. До времени Декарта не догадывались при геометрическихъ изслѣдованіяхъ пользоваться услугами алгебры, и отъ этого геометрія находилась въ младенческомъ состояніи. Пока психологія не пользовалась услугами физиологіи, многіе нынѣ окончательнорѣшенные психологическіе вопросы получали чисто фантастическое объясненіе. Въ настоящее время относительно многихъ наукъ совершенно точно опредѣлено, какія науки по отношеніи къ нимъ должны являться вспомогательными, но это опредѣлено не относительно всѣхъ. Во многихъ сферахъ знанія вопросъ объ отношеніи однихъ наукъ къ другимъ является спорнымъ. На мнѣ лежитъ обязанность въ настоящемъ чтеніи выяснить предъ слушателями отношенія философіи и естествознанія къ наукѣ Введенія въ

¹⁾ Лекція, читанная 18 августа 1892 г. студентамъ Московской духовной Академіи въ присутствіи отца ректора и господъ членовъ совѣта академіи.

Богословіе. Вопросъ объ этихъ отношеніяхъ можетъ получать весьма различное рѣшеніе, смотря по тому, что будутъ понимать подъ философіей и какой методъ въ Введеніи въ Богословіе будутъ находить наилучшимъ для достиженія этою наукою ея конечной цѣли. На Введеніе въ Богословіе возложена задача — раскрыть и обосновать существенныя истины православно-христіанской религіи. Если мы подъ именемъ философіи будемъ разумѣть лишь ея несомнѣнную часть—гносеологию, общимъ мнѣніемъ теперь возвышенную на степень науки, то отношеніе философіи къ Введенію въ Богословіе будутъ однимъ; если мы частью философіи признаемъ и метафизику, разумѣя подъ ней науку о сущности и первопричинѣ бытія, то отношеніе философіи къ наукѣ Введенія въ Богословіе будетъ инымъ. Равнымъ образомъ, если мы будемъ разсматривать религію лишь съ ея исторической стороны и отыскивать историческія доказательства истинности откровенія и т. д., то у Введенія въ Богословіе къ естествознанію не будетъ никакого отношенія и, наоборотъ, если мы истинность христіанства будемъ доказывать психологическимъ путемъ и путемъ анализа дѣйствительности, то у Введенія въ Богословіе явятся очень тѣсныя отношенія къ естествознанію.

Въ нижеслѣдующемъ я попытаюсь выяснитъ, какія существуютъ и какія желательны отношенія философіи и естественныхъ наукъ къ Введенію въ Богословіе.

Я начну съ разсмотрѣнія отношенія Введенія въ Богословіе къ безспорной части философіи — къ гносеологіи. „*Philosophia Theologiae ancilla*“, говорили въ средніе вѣка. Въ новое время провозгласили самостоятельность и равноправность всѣхъ наукъ и названіе *ancilla* стали считать оскорбительнымъ для философіи. Но едвали это названіе можно считать обиднымъ, если понимать его въ томъ смыслѣ, что философія оказываетъ услуги Богословію, что своими изслѣдованіями она служитъ Богословской наукѣ. Для раскрытія православно-христіанскаго вѣроученія требуется, чтобы предварительно былъ опредѣленъ и выясненъ цѣлый циклъ понятій, существованіе объектовъ, соотвѣтствующихъ которымъ, утверждается религіею. Но этотъ циклъ понятій изслѣдуетъ гносеологія. Понятія субъективнаго и объективнаго, абсолютнаго и относительнаго, свободы и необходи-

мости, времени и вѣчности выясняются въ гносеологіи и постоянно употребляются въ наукѣ о религіи. Въ интересахъ послѣдней науки требуется употреблять ихъ въ возможно строгомъ и точномъ смыслѣ. Удовлѣворить этому требованію ей и помогаетъ гносеологія. Различные философы могутъ рѣшать діаметрально противоположно вопросы о томъ, соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ изслѣдуемымъ ими понятіямъ объекты, но всѣ они самымъ уже изслѣдованіемъ понятій оказываютъ услугу наукѣ Введенія въ Богословіе, и лицо, занимающееся этой наукой, поэтому можетъ пользоваться услугами не только философовъ, расположенныхъ къ христіанской религіи, но и философовъ враждебныхъ христіанству, можетъ находить полезное себѣ не только въ сочиненіяхъ Секретана или Бовна, но и въ трудахъ Лааса и Рила.

Отъ отношенія гносеологіи къ Введенію въ Богословіе перейдемъ къ разсмотрѣнію отношенія къ Введенію въ Богословіе той части философіи, которую считаютъ сомнительной, разумѣю метафизику. Ни одно имя не опозорено въ наукѣ болѣе, чѣмъ это несчастное имя. Между учеными есть много невѣрующихъ, но никто изъ нихъ маломальски благоразумный не усмотритъ въ Богословіи ничего позорнаго. Религія, скажетъ онъ, исповѣдуется массой, и пока она исповѣдуется, у массы должно существовать какое-либо ученіе о религіи, т. е. Богословіе. Другое дѣло—метафизика. Богословіе передается по традиціи, метафизика создается личными претензіями, какимъ то особымъ методомъ открыть высшія тайны существующаго, уразумѣть сущность и первопричину бытія. Въ одномъ философскомъ трактатѣ авторъ, защищая право метафизики изслѣдовать сущность вещей, высказываетъ, что вѣдь и другія науки стремятся отыскивать сущность въ тѣхъ явленіяхъ, которыя изслѣдуютъ, разумѣя подъ сущностью понятіе объ объектѣ, освобожденное отъ субъективныхъ элементовъ нашего воспріятія, слѣдовательно, и метафизика имѣетъ право отыскивать таковыя сущности. Авторъ, мнѣ кажется, своимъ разсужденіемъ произноситъ смертный приговоръ тому, что онъ считаетъ метафизикой. Если онъ говоритъ, что физика и другія науки стремятся узнать, что лежитъ за матеріальными явленіями, узнать сущность матеріи, и если, слѣдо-

вательно, все науки въ совокупности отыскиваютъ сущность всѣхъ вещей—а это совершенно вѣрно,—то тогда на долю метафизики не останется никакого рода сущностей, которыя нужно отыскивать: науки естественныя отыскиваютъ сущность міра физическаго, психологія и Богословіе даютъ намъ ученіе о сущности міра духовнаго. Богословіе даетъ намъ еще и ученіе о Первопричинѣ бытія. Что же остается на долю метафизики? Метафизику иногда дѣлятъ на слѣдующія части: естественное Богословіе, раціональную космологію и раціональную антропологию, къ которой примыкаетъ этика. Не трудно показать, что содержаніе всѣхъ этихъ частей метафизики похищается ею у другихъ наукъ. Естественное Богословіе обыкновенно представляетъ собою или попытку обосновать существующее религіозное ученіе или критику религіозныхъ ученій. Едвали еще кто можетъ вѣрить, что можетъ существовать какое то Богословіе безъ предварительнаго изученія религіозныхъ вѣрованій, составленное однимъ естественнымъ разумомъ, такого Богословія никогда не было и не будетъ. Если же то, что предлагаютъ намъ подъ именемъ естественнаго Богословія, представляетъ попытку обосновать православно-христіанское ученіе о Богѣ, то оно должно войти въ Введеніе въ Богословіе, ибо дѣло обоснованія православнаго ученія есть задача Введенія въ Богословіе, и Введеніе въ Богословіе, имѣя постоянно своимъ коррективомъ Православное ученіе, только одно и можетъ выполнить эту задачу надлежащимъ образомъ. Такимъ образомъ, если метафизика будетъ предлагать правильное ученіе о Богѣ, то она не нужна, а если—неправильное, то она вредна. Точно также космологію или міропостроеніе можно, конечно, давать только на основаніи изученія наукъ о мірѣ, т. е. наукъ естественныхъ. Чѣмъ меньше знанія таковыхъ наукъ и чѣмъ худшаго качества таковое знаніе положено въ основаніе построенія космологіи, тѣмъ менѣе она заслуживаетъ названія раціональной, т. е. разумной; раціональную космологію можетъ дать только натуралистъ, а не метафизикъ. У метафизиковъ остается ученіе о душѣ, ея безсмертіи и нравственной дѣятельности человѣка, но обо всемъ этомъ учить и психологія и Богословіе и если у метафизиковъ по этимъ вопросамъ встрѣчаются дѣльныя разсужденія, то онѣ должны выйти въ указанныя науки, а

если у метафизиковъ встрѣчаются разсужденія неосновательныя, то они должны быть отброшены. Въ томъ и другомъ случаѣ на долю собственно метафизики ничего не остается. Правда, нѣкогда метафизика предлагала рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые не рѣшала наука, но дѣло въ томъ, что, когда являлась наука, то всѣ эти рѣшенія оказались никуда негодными. Что же касается до современныхъ метафизическихъ системъ, то онѣ или представляютъ антирелигіозныя фантазіи — въ родѣ философіи Гартмана — или сборникъ кусочковъ изъ разныхъ наукъ, не всегда ладно сшитыхъ между собою. Однако многовѣковая живучесть метафизики показываетъ, что для ея существованія имѣются разумныя и законныя требованія. Что метафизика въ прошедшемъ оказала услугу религіи, это безспорно. Греческіе философы внесли поправки и дополненія въ народныя религіозныя вѣрованія, значительно возвысившія и очистившія эти вѣрованія, и не даромъ учителя церкви значеніе классической философіи въ этомъ отношеніи приравнивали значенію Моисеева закона. Идеи Платона сдѣлали умы грековъ способными воспріять христіанское откровеніе, но за всѣмъ тѣмъ всѣ эти великія метафизическія системы древности показали, что человѣкъ своими силами не способенъ возвыситься до откровеннаго ученія о Богѣ, тѣмъ менѣе можетъ онъ предложить что-нибудь большее, чѣмъ это ученіе. Гноссологическій анализъ помогаль и помогаетъ выясненію вѣроученія, и мы видимъ что великіе отцы и учителя Церкви въ своихъ сочиненіяхъ часто заимствуютъ методъ у эпикурейцевъ, форму и систему у стоиковъ и идеи у неоплатониковъ, но классическая метафизика не дала ничего Богословію: ея доказательства бытія Божія и безсмертія души при неправильномъ пониманіи существа Божія и неясномъ представленіи безсмертія только по исправленіи должны были войти въ нашу науку.

Тѣмъ не менѣе метафизика продолжала и продолжаетъ существовать, выполняя задачи частію Богословія, частію другихъ наукъ, но настоящее время, намъ кажется, ясно подсказываетъ, что должно стать задачею метафизики. Дѣло вотъ въ чемъ. Совокупность всѣхъ наукъ изучаетъ совокупность всего существующаго, но нѣтъ науки и однако должна быть наука, которая опредѣляла бы взаимоотноше-

ніе всѣхъ родовъ и видовъ бытія. Такою наукою и должна стать метафизика. Какъ гносеологія должна намъ представить взаимоотношеніе наукъ о существующемъ, такъ метафизика должна намъ представить взаимоотношеніе различныхъ элементовъ существующаго. Въмѣсто того, чтобы, сторонясь отъ другихъ наукъ, заниматься изслѣдованіемъ какой то особенной стороны бытія, метафизика должна воспользоваться выводами всѣхъ наукъ, чтобы представить намъ все бытіе въ его цѣлости и гармоніи. Есть и психологическая и научнопрактическая потребность въ такой наукѣ. Человѣкъ тратитъ гораздо меньше душевныхъ силъ, когда онъ представляетъ что-либо въ системѣ, чѣмъ когда представляетъ безъ системы, но каждая отдѣльная наука даетъ ему возможность мыслить въ системѣ только группу явленій, и должна быть наука, которая позволила бы ему представить въ системѣ все существующее. Этою наукою и является философія. Вотъ почему одинъ изъ современныхъ мыслителей Авенаріусъ и опредѣляетъ философію, какъ мышленіе о мірѣ сообразно съ принципомъ наименьшей затраты силъ.

Есть затѣмъ практическая потребность въ такой наукѣ. При сопоставленіи выводовъ различныхъ наукъ о бытіи можетъ оказаться, что эти выводы стоятъ въ несогласіи между собою, метафизика уже тѣмъ, что констатируетъ это, дѣлаетъ наукамъ полезное предостереженіе, что нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно, попали на ложный путь. Затѣмъ метафизика можетъ иногда и прямо указать выводы именно какой науки должно признать ошибочными. Въ ея системѣ должны быть испремѣнно какіе-либо несзыблемые, несомнѣнные элементы и затѣмъ по необходимости въ нее должны входить многіе элементы сомнительные. Очевидно, тѣ изъ сомнительныхъ элементовъ, которые стряты въ противорѣчій съ несомнѣнными, должны быть отвергнуты а priori.

Для насъ, конечно, желательное появленіе православныхъ системъ философіи. Ученіе Введенія въ Богословіе о сущности христіанской религіи, очевидно, войдетъ какъ элементъ въ такую систему философіи и должно явиться полезнымъ руководительнымъ началомъ при оцѣнкѣ теорій многихъ наукъ. Съ различными науками въ настоящее время происходитъ тоже, что случилось въ нынѣшнемъ году съ

ружьями на Тульскомъ оружейномъ заводѣ. Когда по присланнымъ изъ Петербурга лекаламъ для различныхъ частей ружей, части эти были сдѣланы и ихъ начали складывать, то оказалось, что они не подходятъ одна къ другой и составлять изъ нихъ ружей нельзя. Точно также нельзя составить одной системы изъ выводовъ Православнаго Богословія и выводовъ современнаго естествознанія, принимаемыхъ большинствомъ натуралистовъ. Даже въ различныхъ частяхъ естествознанія встрѣчаются противорѣчивые выводы, такъ астрономы для образованія солнечной системы назначаютъ немногіе милліоны лѣтъ, а палеонтологи эволюционисты насчитываютъ для исторіи земли билліоны вѣковъ. Разумѣется, не всегда легко разобратъся въ этихъ противорѣчіяхъ, иногда даже можетъ случиться, что тамъ, гдѣ находили противорѣчіе, его на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Это особенно должно помнить при сравненіи научныхъ положеній съ ученіемъ религіи. Когда какое-либо положеніе пріобрѣтаетъ характеръ научной истины и въ то же время является стоящимъ въ противорѣчій съ откровеніемъ, то лучше всего — если можно — слѣдовать правилу, повелѣвающему ждать открытія третьей истины сокрытой у Бога, которая бы примирила между собою двѣ первыя. Во всякомъ случаѣ для всякаго православнаго единственно нормальнымъ и желательнымъ долженъ представляться такой порядокъ, при которомъ въ мысленці о мірѣ положена въ основаніе православно-христіанская истина. Тогда взаимоотношеніе наукъ — философіи и Введенія въ Богословіе представится намъ таковымъ. Гносеологія будетъ *ancilla theologiae*: она во 1) будетъ выяснять понятія, которыми пользуется Введеніе въ Богословіе, во 2) выясненіемъ понятія причинности въ приложеніи къ творенію и свободной волѣ будетъ помогать Введенію въ Богословіе доказывать религіозныя истины. Затѣмъ само Введеніе въ Богословіе дастъ элементъ для содержанія метафизики, но изъ самой метафизики Введеніе въ Богословіе не будетъ извлекать матеріала для обоснованія своихъ истинъ, потому что таковымъ матеріаломъ метафизика не владѣетъ и сама она могла лишь брать его изъ другихъ наукъ, примѣръ чего я приведу ниже, когда буду говорить объ отношеніи естествознанія къ Введенію въ Богословіе.

Представленные мною взаимоотношения между философией и Введениемъ въ Богословіе суть желательныя, но мало соотвѣтствующія дѣйствительности. И философы, признающіе метафизику, и философы, отрицающіе ее, въ большинствѣ случаевъ относятся враждебно къ христіанской религіи и поэтому Введенію въ Богословіе приходится отводить значительное мѣсто для опроверженія ихъ доктринъ. Причинами вражды этихъ философовъ къ христіанству является во 1) та, что психическая настроенность ихъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ христіанской религіи и во 2) та, что ихъ мышленіе не способно переварить и усвоить христіанскіе догматы. Мышленіе этихъ людей слишкомъ опростилось, потому что оно воспитывалось и развивалось крайне односторонне. Изучая только физическую природу, они стремились объяснять изъ нея и природу духовную и потому пришли къ ряду гносеологическихъ и этическихъ выводовъ, исключаящихъ возможность всякой религіи. Установленіе принципа единства существующаго и необходимости совершающагося, признаніе субъективности и ограниченности нашихъ познаній, признаніе фиктивного характера за понятіями „абсолюта“, „субстанціи“, „свободы“, вотъ, что мы встрѣчаемъ у современныхъ гносеологовъ позитивистовъ. Философы метафизики, вѣря въ абсолютное и признавая субстанціи, тоже однако исходятъ изъ принциповъ единства бытія и необходимости совершающагося и потому тоже становятся въ рѣшительную оппозицію съ откровенной религіей. Какъ на примѣръ метафизика, относящагося враждебно къ христіанству, я укажу на Гартмана. Еще въ 1874 г. онъ издалъ сочиненіе „саморазложеніе христіанства и религія будущаго“, въ которомъ утверждалъ, что „христіанская идея прошла свой жизненный путь до конца“, что „христіанское ученіе вмѣстѣ съ другими ученіями должна послужить лишь навозомъ (Dunger) для возникшей новой жизни“. Гартманъ отрицалъ возможность какого бы то ни было сліянія науки съ тѣмъ, что до того времени называлось религіей. Указывая на то, что религія безъ затрудненія проглатываетъ страшнѣйшія возраженія (Тертуліанъ говоритъ: *certum, quia impossibile*), Гартманъ замѣчаетъ, что если иногда и происходитъ что-то въ родѣ союза науки съ религіей, причѣмъ религія софизмами загла-

живаешь свое несогласіе съ наукой, то обыкновенно это— скоро-ли долго-ли—открывается, союзъ съ наукой религіи является для послѣдней печальной необходимостію, объятіями отъ которыхъ она не можетъ отдѣлаться“. Это говорилъ Гартманъ въ 1874 г. Съ тѣхъ поръ онъ не перемѣнилъ своего мнѣнія, онъ допускаетъ лишь пантеизмъ, а не теизмъ. Что касается до философовъ позитивнаго направленія, сводящихъ философію исключительно къ гносеологіи, то у нихъ постоянно встрѣчаются совѣты опасаться поддаться вліянію религіи. Такъ, наприм., Лаасъ, между прочимъ, отмѣчаетъ, что правильному познанію дѣйствительности препятствуютъ наследственно привитыя намъ: стремленіе свести всѣ познанія и дѣйствія къ абсолютному принципу—единому абсолюту, вѣра въ существованіе въ природѣ нормативныхъ законовъ, вѣра въ свободу нашего „я“, вѣра въ верховный сверхчувственный принципъ — аналогичный познаваемому бытію. Только подавивъ въ себѣ эти стремленія и вѣрованія, мы, по мнѣнію Лааса, можемъ построить зданіе позитивной философіи. Точно также Авенариусъ рекомендуетъ устранять изъ опыта субъективныя примѣси, къ которымъ прежде всего онъ причисляетъ міеологическія, т. е. религіозныя. Подобныя же наставленія можно встрѣтить у Алоиза Рила и т. д.

Мы можемъ пока только пожелать, чтобы они строго и неуклонно слѣдовали своимъ принципамъ, тогда очень скоро они придутъ къ такимъ выводамъ, которые заставятъ ихъ отречься отъ своихъ основаній. Изъ ихъ гносеологическихъ принциповъ слѣдуетъ отрицаніе самодостовѣрности мышленія и неизмѣнности нравственныхъ нормъ, они еще недостаточно вдумались въ значеніе этихъ отрицаній и живутъ пока на старыхъ началахъ, а не на началахъ своей философіи, при попыткѣ провести свою философію въ жизнь они немедленно должны будутъ убѣдиться въ ея негодности. За всѣмъ тѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ есть много цѣнныхъ мыслей и вѣрныхъ замѣчаній, полезныхъ для лица, служащаго наукѣ Введенія въ Богословіе. Ихъ заблужденіе заключается въ томъ, что они методъ всецѣло и единственно употребляющійся въ наукахъ физическихъ и лишь отчасти допускаемый въ наукахъ нравственныхъ распространили на все существующее. Отсюда у нихъ получился рядъ

выводовъ враждебныхъ интересамъ религіи и нравственности. Но не нужно упускать изъ виду, что злоупотребленіе эмпирическимъ методомъ явилось какъ реакція противоположной крайности и чрезмѣрно пренебрежительному отношенію къ этому методу, отношенію породившему въ системахъ самой благонамѣренной философіи рядъ фантастическихъ утвержденій и нелѣпыхъ промаховъ. Помя это, богословъ долженъ читать не только философовъ благопріятнаго ему направленія, но и философовъ враждебно расположенныхъ къ религіи и читать не за тѣмъ только, чтобы опровергать и сокрушать ихъ системы, но чтобы и учиться у нихъ. Иногда и другъ можетъ оказать медвѣжьей услугу и добросовѣстный врагъ можетъ подать кусокъ хлѣба, не всегда чистая истина находится въ сочиненіяхъ озаглавленныхъ „атеизмъ, опровергнутый наукою“ или „полное опроверженіе дарвинизма“, но блестящія крупницы истины находятся и въ „исторіи матеріализма“ Ланге и въ „идеализмѣ и позитивизмѣ“ Лааса.

За недостаткомъ времени я ограничиваюсь изложеннымъ о желательныхъ и дѣйствительныхъ отношеніяхъ философіи къ наукѣ Введенія въ Богословіе и перехожу теперь къ выясненію отношенія къ этой наукѣ естествознанія. Естествознаніе представляетъ собою совокупность наукъ о матеріи и совокупность наукъ біологическихъ. Въ своихъ основаніяхъ эти науки, если еще не стали, то станутъ элементомъ общаго образованія. Кромѣ того лицамъ, работающимъ въ области совсѣмъ иного круга наукъ, часто приходится заводить спеціальное знакомство съ тѣми или другими изъ наукъ естественныхъ. Юристу, историку и филологу приходится считаться съ географіей, метеорологіей и климатологіей, лицу работающему въ области до-исторической археологіи, приходится практически знакомиться съ геологіей. Лицу, занимающемуся изученіемъ Введенія въ Богословіе, необходимо приходится сталкиваться съ естествознаніемъ уже чрезъ философію. Гноссологія всецѣло опирается на психологію, а знаніе психологіи немислимо безъ знанія физиологіи. Должно признать справедливымъ и изрѣченіе *nemo psychologus nisi physiologus* и изреченіе *nemo physiologus nisi psychologus*. Физиологическіе процессы иногда могутъ измѣнять свое теченіе исключительно вслѣдствіе

духовныхъ причинъ и, наоборотъ, душевныя состоянія обусловливаются состояніемъ тѣлеснаго организма. Для гносеологии, учащей о познаніи внѣшняго міра, очевидно, необходимо знать тотъ аппаратъ, посредствомъ котораго душою приобрѣтается это познаніе. А этотъ аппаратъ есть наше тѣло. Такимъ образомъ для пониманія гносеологии и психологии богослову нужно быть знакомымъ съ фізіологіей. Но лицу, обязанному имѣть дѣло съ философіей, необходимо знакомиться съ естествознаніемъ и по другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что современная философія стоитъ въ очень тѣсной связи съ естествознаніемъ, и лицо, не знающее наукъ естественныхъ, лишено возможности многое понимать въ философскихъ трактатахъ. Гельмгольцъ, Гексли, Геккель, Махъ, Спенсеръ, всѣ предлагаютъ намъ философскіе опыты или по частнымъ вопросамъ или цѣлыя системы и все въ ихъ философіи построено на естественно-научномъ базисѣ. Свое ученіе о сущности бытія современные ученые строятъ, руководясь механико-атомистическою теоріею строенія вещества и свое ученіе о процессѣ міровой жизни они всецѣло основываютъ на теоріи эволюціи. Для пониманія первой теоріи требуется знаніе физики, химіи и минералогіи, для пониманія второй теоріи нужно знать біологію.

Но кромѣ того, что данныя естествознанія способствуютъ выясненію философскихъ вопросовъ, часто они могутъ способствовать и уразумѣнію и обоснованію религіозной истины. Я приведу три примѣра того, какъ это можетъ быть и бываетъ.

1. Данныя естествознанія, насколько мнѣ кажется, заставляютъ признать неизбѣжнымъ постулатомъ, что міръ былъ нѣкогда сотворенъ, а не существуетъ отъ вѣчности. Созерцаемая единообразность и законосообразность существующаго, люди съ давнихъ поръ стали склоняться къ мысли о непрерывномъ и вѣчномъ существованіи міра. И мы знаемъ, что во времена св. ап. Петра люди уже учили о неизмѣнности существующаго хода вещей (2 Петр. 3, 4). Продолжаютъ учить такъ и теперь, но наука даетъ основанія для противоположнаго взгляда. Въ современной механикѣ и физикѣ имѣетъ важное значеніе принципъ Карно. Я не буду говорить о той алгебраической формулѣ, которою онъ выражается, но скажу о его сущности, которая мнѣ представ-

ляется имѣющею важное апологетическое значеніе. Карно опредѣляетъ, чѣмъ обусловливается механическая работа, происходящая при физическихъ и химическихъ явленіяхъ и въ организмахъ. Она обусловливается различіемъ температуры въ различныхъ тѣлахъ или въ различныхъ частяхъ тѣлъ. Разъ существуетъ различіе въ температурѣ, температура стремится уравниваться, это стремленіе выражается въ движеніи, которое можетъ принять видъ всякой работы. Теперь обратимъ вниманіе, что безъ этого различія не можетъ быть жизни въ мірѣ, и что это различіе вообще (не говоримъ о мѣстныхъ явленіяхъ) не возникаетъ естественно, а только естественно уничтожается. Отсюда вытекаютъ два слѣдствія: 1) что различіе температуры было произведено когда то какою-то высшею силою, 2) что это различіе при естественномъ ходѣ вещей нѣкогда уничтожится, это значитъ, что міръ нѣкогда получилъ начало и будетъ имѣть конецъ. Къ этому ученію о конечномъ и невѣчномъ существованіи міра приводятъ и вообще науки о матеріи, которыя устанавливаютъ, что количество движенія и матеріи въ мірѣ конечно, что процессъ міровой жизни состоитъ въ переходѣ потенциальной эпергіи въ кинетическую, и что этотъ переходъ когда-либо кончится. Самое современное ученіе о матеріи, какъ обнаруженіи энергіи (ученіе, правда, необщепринятое) способствуетъ намъ выяснитъ себѣ истину творенія, которая всегда представлялась матеріализму, разсматривающему матерію какъ что-то инертное, неподвижное, несостоятельной.

2. Какъ на другой примѣръ того, какъ естествознаніе можемъ способствовать выясненію религіозной истины, я укажу на изслѣдованія объ измѣнчивости органическихъ типовъ. Три важные христіанскіе догмата: творенія, паденія и искупленія человѣчества утверждаются на томъ началѣ, что все нынѣ существующее человѣчество произошло отъ одной пары. Это утвержденіе многимъ мыслителямъ многихъ вѣковъ представлялось неяснымъ при сличеніи его съ наличною дѣйствительностію. Здѣсь прежде всего приходилось констатировать рѣзкую обособленность различныхъ расъ, такую обособленность, которая съ самаго древняго времени возбуждала сомнѣнія въ возможности ихъ общаго происхожденія. Мыслители древности приходили къ

заключенію, что каждая нація произошла особеннымъ образомъ, и что различіе націй обусловливается различіемъ геніевъ управляющихъ тою или иною страной. Такой взглядъ противопоставляетъ, наприм., въ своемъ сочиненіи „противъ христіанъ“ Юліанъ отступникъ христіанскому ученію о единствѣ рода человѣческаго. Четырнадцать вѣковъ спустя послѣ Юліана Вольтеръ съ паѳосомъ восклицалъ, что только слѣпой можетъ утверждать, что негръ и европеецъ произошли отъ общаго предка. До XIX вѣка въ естествознаніи господствовала теорія безусловнаго постоянства органическихъ формъ: полагали, что варіаціи въ человѣческомъ, животномъ и растительномъ мірѣ могутъ происходить лишь около нѣкоторыхъ, такъ сказать, неподвижныхъ центровъ и въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Естествознаніе XIX вѣка констатировало съ несомнѣнностію, что люди прошлаго медленнаго движеніе природы приняли за полную неподвижность, что измѣнчивость въ организмахъ происходитъ гораздо въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ предполагали, и что негръ и европеецъ, происходя отъ общихъ предковъ, въ теченіе весьма небольшого періода времени могли отлиться въ настоящія формы подъ дѣйствіемъ естественныхъ условій. Такимъ образомъ изученіе естественныхъ наукъ сдѣлало для насъ понятною истину религіозную, которая на первыхъ порахъ казалась стоящею въ противорѣчій съ дѣйствительностію.

3. Какъ на послѣдній примѣръ услугъ, оказываемыхъ естествознаніемъ Введенію въ Богословіе я укажу на то, что естествознаніе даетъ основанія для телеологическаго пониманія дѣйствительности въ духѣ православно-христіанскомъ, каковое пониманіе часто отсутствовало даже у телеологовъ. Авторы телеологическихъ доказательствъ во 1) постоянно забывали слова св. ап. Іоанна, что „весь міръ лежитъ во злѣ“ (1 Іоан. 5, 19) и во 2) очень старательно закрывали глаза предъ недочетами дѣйствительности. Сущность телеологическаго доказательства бытія Божія обыкновенно сводилась ими къ слѣдующему. Въ мірѣ мы видимъ порядокъ, гармонию, цѣлесообразность, видимъ, что строеніе организма тварей удивительно приспособлено къ потребностямъ ихъ существованія. Такъ, зубы у животныхъ травоядныхъ приспособлены къ пережевыванію растительной пищи,

напротивъ, остробугорчатые зубы хищныхъ, желудокъ которыхъ можетъ варить только мясо, приспособлены къ разрыванію послѣдняго. Каждый организмъ въ природѣ является удивительно цѣлесообразно устроеннымъ механизмомъ, такимъ механизмомъ является и вся природа. Кромѣ цѣлесообразности мы видимъ, что созданія природы и сама природа отличаются красотою. И голубое небо, и радужное крыло бабочки, и роза, и пѣснь соловья и догорающая вечерняя заря прекрасны. Эта красота и эта цѣлесообразность не могли быть дѣломъ случая (это недопустимо съ точки зрѣнія теоріи вѣроятностей), ихъ должно признать произведеніями высшаго разума, всемогущаго художника. Но еще въ глубокой древности одно положеніе Эмпедокла сильно колебало убѣдительность этого разсужденія: въ природѣ, говорилъ онъ, можетъ сохраняться только цѣлесообразное. Это положеніе Эмпедокла въ настоящее время развили такъ. Удивляются, что въ природѣ видна цѣлесообразность, но не хотятъ понять того, что противоположнаго и не можетъ быть потому, что изъ безчисленнаго ряда возникающихъ формъ могутъ продолжать свое существованіе только имѣющія цѣлесообразное устройство. Представимъ себѣ, что въ извѣстный моментъ въ извѣстномъ мѣстѣ возникаетъ миллионъ сочетаній атомовъ, и изъ этого миллиона только одно сочетаніе окажется приспособленнымъ къ условіямъ среды, очевидно, только одно это сочетаніе и сохранится. Говорятъ, что случайно не могутъ возникать цѣлесообразныя созданія, но возникаютъ дѣйствительно всевозможныя созданія и цѣлесообразныя и нецѣлесообразныя, а естественный подборъ — это критикующее начало вселенной — сохраняетъ только цѣлесообразныя. И легко видѣть, что чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и болѣе цѣлесообразными будутъ являться организмы и тѣмъ менѣе будетъ возникать уродливыхъ и нецѣлесообразныхъ созданій. Съ точки зрѣнія телеологовъ это недопустимо, при отрицаніи телеологіи вполнѣ понятно какъ то, что они должны появляться, такъ и то, что они должны исчезнуть. Говорятъ о красотѣ природы, но забываютъ, что красота условна. Голубое небо само по себѣ не прекрасно и не безобразно, но оно намъ нравится, потому что производитъ успокоивающее, ласкающее дѣйствіе на глазъ. Причина послѣдняго лежитъ въ

томъ, что глаза организмовъ образовывались подъ преимущественнымъ воздѣйствіемъ голубаго цвѣта и потому приспособились къ послѣднему. Если бы глаза образовывались при другихъ условіяхъ, то на нихъ можетъ быть успокаивающее дѣйствіе производилъ бы цвѣтъ красный, теперь вызывающій раздраженіе.

Однако, скажемъ теперь мы, современное естествознаніе даетъ основанія и для иной философіи природы вовсе несогласной со взглядомъ Эмпедокла. Современное естествознаніе рассматриваетъ міръ не какъ *Seyn*, а какъ *Werdende*: вселенная—не механизмъ, однообразно функционирующій, но организмъ развивающійся. Развитие этого организма происходитъ по нѣкоторому принципу совершенствованія не открытому, но необходимо предполагаемому. Не естественный подборъ совершенствуетъ міръ, потому что подборъ можетъ лишь сохранять старое, а не производить новое и не случай, потому что слѣпой эмпедокловскій случай можетъ только способствовать умноженію въ мірѣ устойчивыхъ формъ, между тѣмъ какъ жизнь въ мірѣ обуславливается неустойчивостію. Изученіе дѣйствительности открываетъ намъ въ организмахъ и предметахъ такія свойства и начала, которыя нужны для отдаленныхъ цѣлей, изученіе дѣйствительности открываетъ намъ, что законы измѣнчивости не случайны: это доказывается соотвѣтствіемъ между измѣненіемъ среды и организмовъ. Мы думаемъ, что старое ученіе о цѣлесообразности, утверждавшее, что все идетъ наилучшимъ образомъ въ наилучшемъ изъ міровъ, должно уступить мѣсто новому ученію, что не все добро теперь, но все направляется къ добру.

Этими тремя примѣрами я ограничиваюсь въ дѣлѣ выясненія того, какъ естествознаніе можетъ оказывать услуги Введенію въ Богословіе, и, кончая съ этимъ, замѣчу, что выше я сказалъ, что метафизика не располагаетъ никакимъ матеріаломъ для доказательства истинъ религіи, но обыкновенно черпаетъ его изъ другихъ наукъ. Думаю, что приведенные мною примѣры подтверждаютъ мое положеніе и показываютъ, что метафизика, давая, наприм., доказательства бытія Божія, была иногда только лишнимъ передаточнымъ звеномъ между физикой и апологетикой.

За всѣмъ тѣмъ то обстоятельство, что въ естествознаніи

существуютъ положенія, подтверждающія и разъясняющія религіозныя истины, само по себѣ не можетъ быть признано за основаніе для обязательнаго изученія естественныхъ наукъ лицу, занимающемуся наукою „Введеніе въ Богословіе“. Лицо вѣрующее а priori обязано предположить, что всякая наука, если она будетъ идти правильнымъ методомъ, должна привести къ Богу: и исторія, которая можетъ найти, что не простой рокъ, а нѣчто высшее управляетъ судьбами человѣчества, и право, которое глубочайшее основаніе для себя можетъ находить въ Богѣ, и ассирійскія клинообразныя надписи, которыя могутъ способствовать обоснованію ученія о единствѣ книги Бытія и помогать уразумѣнію этой книги. Что же изучать? Всѣхъ наукъ изучить нельзя и не представляется основаній отдавать предпочтеніе изученію Естествознанія. Мы выше показали, что съ естествознаніемъ богослову нужно знакомиться для пониманія философіи, и ему, скажемъ мы теперь, было бы достаточно познакомиться съ нимъ настолько, насколько это требуется для этого пониманія, еслибы не то обстоятельство, что естествознаніе въ настоящее время приняло рѣшительно антирелигіозное направленіе. Въ 1859 г. въ естествознаніи явилась теорія происхожденія животныхъ видовъ путемъ естественнаго подбора и затѣмъ эта теорія быстро подчинила себѣ умы ученыхъ обопхъ полушарій такъ, что въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годахъ повидимому трудно было найти натуралиста, не подчинявшагося этой теоріи: по крайней мѣрѣ всѣ громко кричавшіе голоса кричали въ духѣ этой теоріи. Теорія эта, носящая теперь имя дарвинизма, или теоріи эволюціи, представляетъ собою попытку изъ эмпедокловскаго принципа объяснить все существующее. Своимъ ученіемъ о происхожденіи человѣка она стала въ рѣшительное противорѣчіе съ христіанскою религіей. Эволюціонисты обратили вниманіе на то, что весь животный міръ можно расположить по степени совершенства въ рядъ, начинающійся монерой и оканчиваемый человѣкомъ, причемъ между каждыми двумя сосѣдними членами степень различія будетъ весьма незначительной. Принимая во вниманіе, что въ мірѣ все должно совершенствоваться (ибо все, что является въ мірѣ животномъ, растительномъ или даже неорганическомъ болѣе совершеннымъ, имѣетъ болѣе шан-

совъ на сохраненіе и продолженіе существованія), они провозгласили, что сначала возникли и существовали только самые несовершенные организмы, и что отъ нихъ происходили все болѣе и болѣе совершенные, пока наконецъ отъ животныхъ, подобныхъ нынѣ существующимъ челоѣкообразнымъ обезьянамъ (гориллѣ, орангутангу, шимпанзе и др.) не произошелъ челоѣкъ. Эволюціонисты показали, что ихъ теорія опирается на палеонтологію, открывающую, что дѣйствительно на землѣ организмы появлялись въ строгой постепенности въ порядкѣ восхожденія отъ несовершеннаго къ совершенному, они показали, далѣе, что виды организмовъ могутъ измѣняться и совершенствоваться, наконецъ, они подробно и тщательно изслѣдовали тѣ начала, которыя, по ихъ утверженію, заправляютъ развитіемъ органическаго міра, и дали подробное изложеніе этихъ началъ. Въ частности изложенію доказательствъ животнаго происхожденія челоѣка были посвящены цѣлыя книги. Нѣтъ нужды объяснять, къ какимъ послѣдствіямъ по отношенію къ христіанству вело это ученіе, отрицающее твореніе челоѣка и непремѣнно предполагающее отрицаніе безсмертія челоѣческой души. Съ догматомъ творенія должны были пасть догматы паденія и искупленія, должна была пасть и вся христіанская догматика. Это отлично поняли сами натуралисты и уже самъ Дарвинъ искренно думалъ, что наука покончила съ Христомъ. Онъ высказалъ это по слѣдующему случаю. Въ 1879 г. въ Іенскомъ университетѣ подъ руководствомъ Геккеля изучалъ зоологію нѣкто баронъ Менгденъ—юноша глубоко благочестивый. Скоро ему пришлось констатировать, что то, что онъ изучалъ, стоитъ въ противорѣчьи съ тѣмъ, во что онъ вѣрилъ. Онъ началъ мучиться сомнѣніями, его угнетала мысль объ отношеніи дарвиновской теоріи происхожденія видовъ къ христіанству. Геккель, которому онъ повѣдалъ свои сомнѣнія, посоветывалъ его съ вопросомъ о христіанствѣ обратиться къ Дарвину. Дарвинъ прислалъ ему слѣдующій отвѣтъ:

Милостивый государь!

Я слишкомъ занятъ, я старъ, у меня плохое здоровье и я не могу найти времени отвѣчать полно на Вашъ вопросъ, хотя и полагаю, что на него можно отвѣчать. *Науки нечего дѣлать съ Христомъ* кромѣ того пункта, что при-

вычка къ научнымъ изысканіямъ дѣлаетъ человѣка разборчивымъ въ дѣлѣ доказательствъ. *Что касается же меня, то я не вѣрю, чтобы когда-нибудь было какое то откровеніе.* Въ вопросѣ же о жизни будущей каждый долженъ составлять себѣ рѣшеніе по своимъ соображеніямъ между многочисленными и противорѣчивыми вѣроятностями. Чарльзъ Дарвинъ.

Очевидно, игнорировать воззрѣнія натуралистовъ, пришедшихъ къ такимъ роковымъ выводамъ, какъ Чарльзъ Дарвинъ, и игнорировать основанія ихъ воззрѣній невозможно. Необходимо ихъ узнать и разобраться въ нихъ. Лицо, служащее интересамъ „Введенія въ Богословіе“ обязано сдѣлать это. На христіанство могутъ дѣлать нападенія и со стороны исторіи, со стороны права и со стороны ассиріологіи, но разбираться въ тѣхъ возраженіяхъ обязаны церковные историки, канонисты, экзегеты, съ возраженіями протестантовъ и католиковъ долженъ имѣть дѣло православный догматистъ, но съ возраженіями естествознанія, если не будетъ имѣть дѣла ученый, служащій интересамъ Введенія въ Богословіе, то и никто не будетъ имѣть дѣла. Поэтому такое дѣло обязанъ имѣть онъ, онъ долженъ разобраться въ тѣхъ основаніяхъ, изъ которыхъ эволюціонисты дѣлаютъ такіе роковые выводы для христіанской религіи. Если апологеты не будутъ заниматься этимъ, то много лицъ можетъ быть подобно несчастному барону Менгдену отворотится отъ религіи. Если апологетъ займется этимъ, то онъ принесетъ во 1-хъ пользу церкви, во 2-хъ пользу и естествознанію, такъ какъ тотъ скользкій и ложный путь, на который стала философія природы, можетъ только повредить истиннымъ интересамъ науки. Дѣйствительное изученіе природы покажетъ богослову, что не все ложно въ томъ ученіи, которое въ общемъ такъ враждебно интересамъ религіи и не все всѣми въ немъ принимается за истину: за шумнымъ крикомъ торжествующихъ дарвинистовъ онъ услышитъ другіе голоса, говорящіе менѣе громко, но болѣе основательно, онъ узнаетъ, что натуралистовъ гораздо болѣе, чѣмъ дарвинистовъ, что наприм., въ 1875 г. 453 извѣстные натуралиста рѣшились совмѣстно бороться противъ антирелигіозной доктрины, что въ 1877 году уже совсѣмъ другая плеяда натуралистовъ возвысила

своей голосъ противъ дарвинизма и въ защиту „устарѣлаго символа вѣры“, онъ узнаетъ, что въ теченіе всѣхъ 80 хъ годовъ не найдено ни одной кости, ни одного обломка кости, подтверждающаго дарвиновскую теорію происхожденіе человѣка, и что, напротивъ, открытія и изслѣдованія въ области палеонтологической антропологии и этнографіи лишили всякаго значенія многіе изъ прежде представлявшихся доводовъ въ пользу этой теоріи такъ, что, когда въ 1889 г. Уоллэсъ—не въ меньшей мѣрѣ творецъ дарвинизма, чѣмъ и самъ Дарвинъ—издалъ сочиненіе „о естественномъ подборѣ“, то былъ вынужденъ повторить сказанное имъ за много лѣтъ ранѣе, что происхожденіе человѣка невозможно объяснить, если не допускать вмѣшательства Высшей Силы. А когда въ августѣ 1892 г. открылся конгрессъ по антропологии и зоологии въ Москвѣ, то Рудольфъ Вирховъ—одинъ изъ крупнѣйшихъ авторитетовъ современнаго естествознанія, заявилъ, что онъ съ своей стороны полагаетъ, что можно объявить ученіе Дарвина совершенно необоснованнымъ.

Я думаю, что многими по поводу выставленнаго мною положенія о необходимости апологету изучать естественныя науки будутъ представлены два возраженія: 1) что изучить такую массу наукъ невозможно, что результатомъ попытокъ предпринять такое изученіе въ концѣ концовъ можетъ явиться лишь хвастливое и вредное диллетанство, 2) что таковое изученіе, если даже допустить его возможность, будетъ всегда безрезультатно, потому что богословъ все-таки останется богословомъ, а не станетъ натуралистомъ, онъ только пойметъ ученіе о природѣ, но никогда не будетъ въ силахъ измѣнить воззрѣнія на природу (для этого нужно быть гениемъ). Его работа будетъ сизифовымъ трудомъ. Я попытаюсь отвѣтить на эти возраженія, какъ умѣю.

Апологету необходимо знать естественныя науки настолько, чтобы понимать всякое сочиненіе по естествознанію и умѣть разбираться въ немъ. Такой степени познанія при среднихъ способностяхъ, при среднемъ уровнѣ развитія и при спеціальныхъ занятіяхъ достигаютъ въ два года, какъ показываетъ опытъ нашихъ университетовъ, потому что основныя естественныя науки проходятся на первыхъ двухъ курсахъ естественныхъ факультетовъ; если же часть ихъ про-

ходится и на дальнѣйшихъ курсахъ, то вѣдь и наоборотъ, спеціальныя курсы тамъ тоже начинаются съ перваго года. О лицахъ, которыя дѣлали попытки изучать естествознаніе въ апологетическихъ цѣляхъ и потомъ бросили эти попытки, если таковыя лица были,—я думаю, что ихъ испугалъ не громадный объемъ естествознанія, а нѣчто другое. Мышленіе, воспитанное на изученіи извѣстной группы наукъ, съ трудомъ сначала работаетъ надъ усвоеніемъ новыхъ наукъ, далеко отстоящихъ по своему содержанию, изложенію и методу отъ знакомой группы. Но нужно поборотъ эту трудность вначалѣ и затѣмъ дѣло окажется простымъ. Могутъ сказать, что у апологета есть много дѣла кромѣ этого. Но это невѣрно. Ему приходится считаться съ возраженіями противъ христіанства, идущими лишь со стороны философіи и естествознанія, опроверженіемъ другихъ возраженій займутся специалисты другихъ отраслей богословія, а онъ можетъ пользоваться ихъ готовыми выводами, причемъ даже и съ философіей апологетъ долженъ имѣть дѣло только съ современной, а современная философія стоитъ на естественно-научной почвѣ. Затѣмъ должно замѣтить, что при изученіи весьма важенъ методъ и, пользуясь хорошимъ методомъ, можетъ быть и при худшихъ способностяхъ можно узнать и изучить гораздо больше. Въ дѣлѣ изученія должно руководиться принципомъ наиболѣе полезнаго употребленія силы, заставляющимъ отбрасывать несущественное и останавливать вниманіе на главномъ. Какъ пользоваться этимъ принципомъ, намъ указываютъ и существующія правила и должна подсказывать личная спаровка.

Выяснить, что такое изученіе непременно будетъ полезно, гораздо легче, чѣмъ показать возможность такого изученія. Прежде всего даже положительное раскрытіе христіанскихъ истинъ предъ натуралистами гораздо успѣшнѣе можетъ сдѣлать богословъ знакомый съ естествознаніемъ, чѣмъ незнающій его, потому что первый можетъ приспособиться къ своимъ слушателямъ, а второй не сумѣетъ сдѣлать этого. Затѣмъ апологетъ, не дѣлая самъ открытій, можетъ подмѣчать апологетическій элементъ въ открытіяхъ другихъ и останавливать на немъ вниманіе натуралистовъ. Наконецъ, дѣло вотъ въ чемъ. Натуралистовъ вѣдь можно раздѣлить на 2 группы: на вѣрующихъ и невѣрующихъ. Какъ

ни мала первая группа, мы однако знаемъ, что истина на ея сторонѣ, подвинуть эту группу на борьбу со второю, пользоваться открытіями и теоріями ученыхъ этой группы долженъ апологетъ. И чѣмъ усерднѣе будетъ богословъ призывать натуралистовъ христіанъ къ защитѣ религіи, чѣмъ больше будетъ таковыхъ богослововъ, чѣмъ больше любви къ людямъ они вложатъ въ свое дѣло, тѣмъ больше лицъ привлекутъ на свою сторону и тѣмъ скорѣе въ естествознаніи исчезнетъ антирелигіозное направленіе.

Сергій Глаголевъ.
